ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

УДК 811.112.2 ′3
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-537-546
EDN IKGDIG

Актуализация оппозиции GLÜCK / UNGLÜCK в готическом романе Э.Т.А. Гофмана

Воронина Л.В., Прилуцкий И.Г.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 3008015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
voronina@bsuedu.ru, ignat.prilutsky@yandex.ru

Аннотация. Интерес учёных к вопросам языковой репрезентации эмоций в художественном дискурсе неуклонно растёт. Несмотря на многочисленные исследования категории эмотивности, проблема коммуникативно-прагматического потенциала эмоциональных концептов, обусловливающих жанровую специфику художественного текста в соответствии с авторским замыслом, с позиций когнитивно-дискурсивного подхода остается малоизученной. Данная работа нацелена на выявление и анализ лексических и синтаксических средств, сопряженных с эмоциональным состоянием СЧАСТЬЯ и НЕСЧАСТЬЯ персонажей готического романа знаменитого немецкого писателя Гофмана «Эликсиры сатаны», и их роли в смысловой доминанте художественного текста. Установлено, что использование разноуровневых языковых средств, отражающих диалектическую связь концептов GLÜCK/UNGLÜCK в художественном тексте, эксплицирует эмотивный код готического романа немецкого писателя – представление вечного противостояния Добра и Зла как противостояния положительных и отрицательных эмоций человека.

Ключевые слова: языковая репрезентация эмоций, готический роман, эмоциональный концепт, авторский замысел, протяженные и взрывные эмоции

Для цитирования: Воронина Л.В., Прилуцкий И.Г. 2026. Актуализация оппозиции GLÜCK / UNGLÜCK в готическом романе Э.Т.А. Гофмана. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания,* 45(3): 537–546. DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-537-546 EDN IKGDIG

Actualisation of the GLÜCK / UNGLÜCK Opposition in E.T.A. Hoffmann's Gothic Novel

Larisa V. Voronina, Ignat G. Prilutsky
Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
voronina@bsuedu.ru, ignat.prilutsky@yandex.ru

Abstract. Scholarly interest in the linguistic representation of emotions in literary discourse has been steadily growing. Despite extensive research on the category of emotivity, the communicative-pragmatic potential of emotional concepts that determine the genre specificity of a literary text in accordance with the author's intention remains insufficiently explored from the cognitive-discursive perspective. This study aims to identify and analyze lexical and syntactic means associated with the emotional states of HAPPINESS and UNHAPPINESS in the characters of the Gothic novel *The Elixirs of Satan* by the renowned German writer E. T. A. Hoffmann, and to examine their role in shaping the semantic dominant

© Воронина Л.В., Прилуцкий И.Г., 2026

of the literary text. We have established that the use of multi-level linguistic devices reflecting the dialectical relationship between the concepts GLÜCK and UNGLÜCK in the literary text explicates the emotive code of the German Gothic novel – namely, the representation of the eternal confrontation between Good and Evil as an opposition between positive and negative human emotions.

Keywords: linguistic representation of emotions, Gothic novel, emotional concept, author's intention, protracted and explosive emotions

For citation: Voronina L.V., Prilutsky I.G. 2026. Actualisation of the GLÜCK / UNGLÜCK Opposition in E.T.A. Hoffmann's Gothic Novel. *Issues in Journalism, Education, Linguistics,* 45(3): 537–546 (in Russian). DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-537-546 EDN IKGDIG

Введение

Одним из наиболее значимых направлений исследований лингвистической науки является изучение вербальных проявлений человеческой эмоциональности в художественном тексте в целом и эмотивности, обусловленной жанровой спецификой произведения и авторским замыслом, в частности.

На высокий экспланаторный потенциал эмотиологии как механизма, способного установить связь между вербальным проявлением эмоциональности и параметрами ключевых смыслов речевых произведений, в своих работах указывают учёные [Шаховский, 2017, Ионова, 2023]. В этой связи в фокус пристального внимания лингвистов попадает эмоционально-оценочный потенциал языковых единиц, актуализируемый в соответствии с прагматическими намерениями автора в разных видах дискурса, в том числе политическом [Лучинская, Уафа, 2022], медийном [Ионова, 2023; Васильева, Воронина, 2015], научно-популярном [Маджаева, 2022], художественном [Воронина, 2022; Кацитадзе, Христианова, 2024; Трубкина, 2022, 2026] и др. При этом одним из значимых направлений современных исследований, выполненных в русле антропоцентрической парадигмы знаний, становятся речевые стратегии и манипулятивные практики эмоционального воздействия на реципиента в дискурсе [Воронина, 2025; Делль, 2025]. Несмотря на очевидную научную и практическую значимость, возросшую в эпоху глобальной эмоционализации общества, языковая реализация эмоциональной сферы остается малоизученной как с позиций теории коммуникации, так и в параметрах теории текста, и, как подчеркивает А.И. Трубкина, «одной из перспективных сфер изучения эмотивности является, бесспорно, ее функционирование в художественном тексте» [Трубкина, 2026, с. 105]. Подчеркивая перспективность исследования доминантного эмоционального смысла текста, С.В. Ионова акцентирует внимание на том, что недостаточная изученность соответствующей проблематики обусловлена, помимо прочего, сложностью изучаемого феномена: необходимостью четкого разграничения субъективного восприятия текста и его объективного содержания, многоаспектностью и многоэтапностью анализа совокупности эмотивных знаков, разработкой алгоритма их соотнесения с коммуникативными намерениями автора [Ионова, 2023, с. 13–14]. Вслед за Шаховским [1987] С.В. Ионова отмечает, что «эмотивность представляет собой способ кодирования эмоциональной информации, освоенной языковым сознанием говорящего и проявленный в соответствии с уровнем его коммуникативной компетенции, целями и особенностями протекания коммуникативной ситуации» [Ионова, 2023, с. 14]. В фокусе нашего исследования находится релевантная для понимания эмотивного кода немецкого готического романа вербальная актуализация эмоциональных состояний счастья и несчастья.

Эмоциональная система готического романа Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры сатаны» (1815–1816) организована вокруг ряда ключевых концептуальных оппозиций, среди которых пара GLÜCK/UNGLÜCK. В отличие от дуального концепта LIEBE/LUST, построенного на внутреннем противоречии, GLÜCK и UNGLÜCK выступают как два целостных диалектически связанных концепта.

Центральными для эмоциональной системы романа являются концепты СТРАХ (ANGST/GRAUEN), ЛЮБОВЬ (LIEBE/LUST), СЧАСТЬЕ (GLÜCK) и НЕСЧАСТЬЕ (UNGLÜCK). Если СТРАХ и ЛЮБОВЬ обнаруживают внутреннюю дуальность, расщепляясь на «протяженный» и «взрывной» аспекты, то GLÜCK и UNGLÜCK выступают как два самостоятельных концепта.

Таким образом, объектом данного исследования становятся разноуровневые языковые средства, актуализирующие эмоциональные переживания счастья и несчастья персонажами художественного текста знаменитого немецкого писателя Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры сатаны». При этом актуализация эмоционально-оценочных смысловых нюансов сопряжена не столько с конкретной лексической единицей, сколько с коммуникативной ситуацией в целом [Воронина, 2022, с. 292–294]. Предметом исследования выступают эксплицитные и имплицитные смыслы, репрезентируемые эмотивами, и их роль в эмотивном коде произведения. Под эмотивным кодом, вслед за А.И. Трубкиной, понимаем совокупность лингвистических механизмов и средств эмотивности, создающих общий эмоциональный настрой текста и продуцирующий его функциональную динамику [Трубкина, 2026, с. 207]. «Как неотъемлемый компонент эмотивных средств» эмотивный код играет ведущую роль в создании единства прагматического и информативно-смыслового уровней художественного текста [Трубкина, 2022, с. 104, 106].

Цель исследования – выявление лексических и синтаксических средств, сопряженных с эмоциональным состоянием СЧАСТЬЯ и НЕСЧАСТЬЯ персонажей готического романа знаменитого немецкого писателя Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры сатаны», и определение их роли в смысловой доминанте художественного текста.

Материалы и методы исследования

В качестве материала исследования использован роман E.T.A. Hoffmann "Die Elexiere des Teufels" [Hoffmann, 1815/16], впервые изданный в Берлине в 1815–1816 годах, общим объемом 324 страницы.

Для решения поставленных задач применялись: концептуальный анализ, нацеленный на выявление репрезентантов эмоциональных концептов GLÜCK и UNGLÜCK и актуализируемых ими смысловых нюансов; количественный анализ, позволяющий продемонстрировать частотность лексем и их долю в объективации анализируемых эмоциональных состояний; контекстуальный анализ, призванный выявить роль языковых средств в реализации авторского замысла и проиллюстрировать прагматический потенциал эмотивов в смысловой архитектонике текста.

Результаты и их обсуждение

Счастье в романе не просто сменяется несчастьем – оно изначально содержит его в себе как собственную скрытую истину.

Анализ словарных дефиниций лексемы Glück на основе немецкоязычных словарей выявляет ее трехчастную семантическую структуру: 1) счастье-удача как результат стечения благоприятных обстоятельств, благоприятный случай; 2) персонифицированное счастье, Фортуна; 3) состояние внутренней удовлетворенности и душевного подъема. Этимологически слово восходит к средневерхненемецкому g(e)lücke (ок. 1160 г.), первоначально означавшему «судьба, участь, исход события (как в благоприятную, так и в дурную сторону)». Эта исходная амбивалентность сохраняется в семантике лексемы и актуализируется в романе.

Количественный анализ показывает, что общее число вхождений лексем, вербализующих концепт GLÜCK, составляет 166 единиц. В общее число включены лексические единицы и их производные, независимо от частеречной принадлежности (существительные, прилагательные, наречия, глаголы), основа которых эксплицитно объективирует эмоциональное состояние счастья. Распределение по лексемам: *Glück – 49,*

Begeisterung – 31, Fröhlich/Froh – 29, Entzücken – 18, Freude – 14, Seligkeit – 13, Vergnügen – 6, Friede – 3, а также единичные *Spaß, Behagen, Belustigung*. Базовая лексема Glück составляет 29,5% от общего числа, что делает ее доминирующей в репрезентации эмоционального состояния счастья. Это свидетельствует о многообразии способов актуализации концепта, а также его тяготении к экстатическим («взрывным») формам (*Begeisterung, Entzücken, Seligkeit*), тогда как относительно немаркированная радость *Freude* встречается редко.

Синонимический ряд организуется в несколько концентрических кругов. Ядро составляет *Glück* в трех указанных значениях. К ядру примыкают лексемы эмоционального подъема (*Freude, Fröhlichkeit, Frohsinn*). Второй круг образуют интенсивные, экстатические формы (*Entzücken, Begeisterung, Wonne, Seligkeit, Verzückung*), граничащие с потерей самоконтроля и сближающиеся с «взрывными» отрицательными эмоциями типа *Grauen* и *Lust*. Третий круг – гедонистические лексемы (*Vergnügen, Genuß, Lust* в значении удовольствия, *Behagen, Spaß*). Четвертый – лексемы покоя и умиротворения (*Friede, Ruhe*).

Ключевой особенностью концепта GLÜCK является совмещение в базовой лексеме смыслов счастья-состояния и счастья-события (удачного случая). Именно этот второй компонент делает *Glück* исключительно значимым для романа, связывая эмоциональную сферу с темой рока и иррационального вмешательства тёмных сил. В словарных дефинициях зафиксировано значение «персонифицированное счастье, Фортуна», и в романе эта мифологическая фигура обретает воплощение в образе «неведомой силы» (*unbekannte Macht*), управляющей судьбой героя, или же прямо отождествляется с самим дьяволом.

Показателен эпизод карточной игры, где Медард выигрывает огромную сумму:

Es waren an zweitausend Louisdors, die mir das Glück durch die Dame zugeteilt, und unerachtet ich nun aller Verlegenheit enthoben, so konnte ich mich doch eines innern unheimlichen Gefühls nicht erwehren [Hoffmann, 1815–1816, S. 141].

Счастье-событие здесь вызывает не радость, а «внутреннее жуткое чувство». Сам Медард осознает источник этого везения как внешний и чуждый: *…ich von einer unbekannten Macht ergriffen wurde, die das Glück des Spiels, den losen Geldgewinn mir zuwarf, als entsprösse es aus meinem eignen Innern* [Hoffmann, 1815–1816, S. 142].

Счастливый выстрел, удача в игре – все это дары, приходящие извне и вызывающие ужас: *…selbst mein glücklicher Schuß in jener aufgeregten, entsetzlichen Stimmung, den doch nur der Zufall herbeigeführt, erfüllte mich mit Grauen* [Hoffmann, 1815–1816, S. 127].

Финальную формулу этого понимания счастья дает автор: *Aber unsicher und eitel ist das Glück des mit Gott nicht versöhnten Sünders* [Hoffmann, 1815–1816, S. 270]. Счастье грешника ненадежно и суетно, оно неизбежно оборачивается как *Unglück*.

Другие частотные вербализаторы наряду с базовой лексемой – *Begeisterung, Entzücken, Seligkeit* – находятся в зоне семантического пересечения с другими ключевыми концептами романа. *Begeisterung* и *Entzücken* сближаются с *Lust* и *Grauen* через идею аффективного взрыва, потери самоконтроля; *Seligkeit* прямо отсылает к религиозной сфере.

Лексема *Begeisterung* последовательно описывает состояние Медарда во время проповедей, причем подчеркивается неконтролируемость этого процесса:

Bald aber war es, als strahle der glühende Funke himmlischer Begeisterung durch mein Inneres – ich dachte nicht mehr an die Handschrift, sondern überließ mich ganz den Eingebungen des Moments [Hoffmann, 1815–1816, S. 31].

Физиологические описания, сопровождающие *Begeisterung*, практически идентичны тем, что маркируют греховное вожделение *Lust*:

Ich fühlte, wie das Blut in allen Pulsen glühte und sprühte – ich hörte meine Stimme durch das Gewölbe donnern – ich sah mein erhobenes Haupt, meine ausgebreiteten Arme wie von Strahlenglanz der Begeisterung umflossen [Hoffmann, 1815–1816, S. 31].

«Кипение крови» (*das Blut glühte und sprühte*) – тот же телесный симптом, что и при действии эликсира, провоцирующего *Lust*. Религиозный экстаз и плотское возбуждение описываются почти идентичным языком.

Эта двусмысленность обнажается аббатисой, подвергающей сомнению природу воодушевления Медарда:

Deine Begeisterung war nicht diejenige, welche den Frommen auf Seraphsfittichen emporträgt, daß er in heiliger Verzückung das himmlische Reich zu schauen vermag [Hoffmann, 1815–1816, S. 41].

Воодушевление *Begeisterung* делится на подлинное (ведущее к Богу) и ложное (ведущее к дьяволу), и Медард оказывается носителем ложной, поддельной воодушевленности. Эта тема находит выражение в характеристике художника Франческо: *Francesko malte in unheiliger Begeisterung viele Bilder aus der lügenhaften Fabelwelt* [Hoffmann, 1815–1816, S. 255]. Оксюморон unheilige Begeisterung (нечестивое воодушевление) – счастье-воодушевление, оторванное от единственно истинного сакрального источника, становится инструментом греха и заблуждения.

Сходно функционирует лексема *Entzücken*. В сцене первой встречи с Аврелией:

Wie schön sie war! Wie fühlte ich mich bei ihrem Anblick von unnennbarem Entzücken, von süßer Wollust durchschauert! [Hoffmann, 1815–1816, S. 170].

Entzücken и *Wollust* стоят в одном ряду, описываясь как единое переживание. Возвышенный восторг перед красотой неотделим от греховного трепета.

Seligkeit также подвергается инверсии:

...vergehen vor Wonne und Qual, eine Minute dieser Seligkeit für ewige Marter der Hölle! [Hoffmann, 1815–1816, S. 43].

Seligkeit из ощущения предчувствия вечного блаженства превращается в сиюминутный экстаз обладания, предмет торга с дьяволом.

Периферийные лексемы *Vergnügen, Freude, Spaß, Behagen* вербализуют бытовое, «сниженное» измерение счастья – удовольствие от простых вещей. Эти контексты создают контрастный фон для основных событий и размышлений автора.

Ich erzählte von dem possierlichen Belcampo... und wußte zu ihrer ***Freude*** *seine phantastische Hasenfüßigkeit recht ins grelle Licht zu stellen, so daß ein recht gemütlicher dicker Kaufmann... mit vor Lachen tränenden Augen versicherte, das sei seit langer Zeit der* ***vergnügteste*** *Abend, den er erlebe»* [Hoffmann, 1815–1816, S. 103].

Однако эта включенность Медарда в мирское веселье – уже признак его падения, отступничества от монашеского идеала. Еще более двусмысленна радость Белькампо, получившего от Медарда деньги: *ich drückte dem Kleinen mehrere Dukaten in die Hand, er sprang hoch auf vor Freude und rief laut: "Heisa, nun habe ich ehrenwertes Geld, lauter flimmerndes Gold, mit Herzblut getränkt"* [Hoffmann, 1815/16, S. 107]. Бурная радость при виде «пропитанных кровью» денег создает зловещее ощущение.

Кульминацией инверсии становится трансформация смеха, естественного выражения радости, в признак ужаса. Смех злого двойника преследует Медарда: *mit tiefem Entsetzen hörte ich bald jenes grauenvolle Kichern und Lachen meines gespenstischen Doppeltgängers* [Hoffmann, 1815–1816, S. 288].

Также примечателен образ *«Spaß der Hölle»* (адская забава): *Ein bodenloser Becher ist sein Leibharnisch – ein umgestülpter Trichter sein Helm! – Der Spaß der Hölle ist emporgestiegen* [Hoffmann, 1815–1816, S. 247].

То, что кажется счастьем, весельем, на деле есть проявление инфернальных сил.

Концепт НЕСЧАСТЬЕ вербализован в романе 151 лексемой (с учетом единицы Schmerz). Без учета соответствующей языковой единицы Schmerz, имеющей особый статус, распределение по количественному признаку выглядит следующим образом: *Unglück – 36 (34,6%), Elend – 24 (23,1%), Jammer – 16 (15,4%), Gram – 15 (14,4%), Leid – 8 (7,7%), Trauer – 5 (4,8%).*

Принципиально важна морфологическая характеристика базовой лексемы: из 36 вхождений 34 приходятся на прилагательное unglücklich. Несчастье в романе мыслится не столько как событие или абстрактное состояние, сколько как сущностная характеристика

объекта, прежде всего личности, то есть художника и его потомков. *Unglücklich* – это роковая печать, лежащая на человеке.

Словарные дефиниции фиксируют два основных значения лексемы: 1) внезапно обрушивающаяся судьба, роковое событие; 2) состояние страдания, бедствие, невезение. Этимологически *Unglück* образовано от *Glück* с помощью отрицательной приставки *un-*, восходя к тому же понятию судьбы, но с отрицательным знаком.

Ключевая категория употребления *unglücklich* – характеристика персонажей, несущих на себе печать проклятия. Многократно повторяющееся *unglücklicher Medardus* становится лейтмотивом: *daß der alte Förster den Mönch eben für den* ***unglücklichen*** *Medardus, für mich selbst, hielt* [Hoffmann, 1815–1816, S. 128]*; Heilige Mutter Gottes! Medardus,* ***unglückseliger*** *Medardus!* [Hoffmann, 1815–1816, S. 200].

Та же характеристика применяется к другим персонажам: *meines unglücklichen Bruders, meines Vaters, den der Gram tötete», «den unglücklichen Cyrill, der unglückliche Hermogen, der unglückliche Graf, den unglücklichen Gemahl.* Несчастье выступает как черта, передающаяся по наследству.

Лексемы *Elend, Gram, Leid* вербализуют несчастье как процесс, длящееся состояние, истощающее человека.

Elend включает как внешние проявления (нищета, унижение), так и внутреннее состояние пустоты:

Er floh... von dannen und lebte, da er nicht mehr zu malen vermochte, im tiefen, ***jammervollen Elend*** [Hoffmann, 1815–1816, S. 262].

...daß ich selbst herabgesunken zum ***elenden*** *Spielwerk der bösen geheimnisvollen Macht* [Hoffmann, 1815–1816, S. 125].

Gram – более «тихая», внутренняя форма страдания, грызущая тоска:

...als zehre ein geheimer Gram an seiner Lebensblüte [Hoffmann, 1815–1816, S. 159].

Nicht das Alter, sondern der Gram hatte die tiefen Furchen auf seiner breiten, offnen Stirn gezogen [Hoffmann, 1815–1816, S. 63].

Jammer вербализует внешнее выражение несчастья – вопль, стенание, прорывающееся наружу:

...ich heulte auf im trostlosen Jammer [Hoffmann, 1815–1816, S. 245].

...ein tausendstimmiger trostloser Jammer stieg in die Lüft [Hoffmann, 1815–1816, S. 287].

Trauer, напротив, представляет ритуализированную, социально приемлемую форму скорби: *Der Hof war in die tiefste Trauer versenkt*. Социальная печаль выступает как эмоциональный антураж, на фоне которого разворачиваются индивидуальные трагедии.

Оппозиция GLÜCK / UNGLÜCK реализует в романе логику одной из центральных тем – сделки с дьяволом, получения счастья немедленно на короткий строк с неизбежным несчастьем, наступающим после. Дар, приходящий извне, от «неведомой силы», всегда обладает двусмысленностью и намекает на грядущую расплату: счастливый выстрел, выигрыш в карты, сильная любовь – все это призрачные проявления *Glück*, за которыми скрыты формы *Unglück*.

Показателен эпизод, где удача в игре неразрывно связана с болезненным воспоминанием: *indem die gleichgültige Karte... in mir eine schmerzhafte, herzzerreißende Erinnerung weckte, ich von einer unbekannten Macht ergriffen wurde, die das Glück des Spiels... mir zuwarf* [Hoffmann, 1815–1816, S. 142].

Счастье и боль оказываются двумя сторонами вторжения тёмных сил в жизнь человека. Эта диалектика закономерно подчеркивается в финале романа, суммирующем весь эмоциональный опыт героя: *Schmerz und Wonne, Grauen und Lust – Entsetzen und Entzücken stürmten in meinem Innern, als ich mein Leben schrieb* [Hoffmann, 1815–1816, S. 319].

В этом ряду *Entzücken* (восторг) стоит рядом с *Entsetzen* (ужас), *Lust* – рядом с *Grauen*, *Wonne* – рядом с *Schmerz*. Противоположности не просто сосуществуют, они порождают друг друга или даже являются формами друг друга.

Особого внимания заслуживает лексема *Schmerz* (47 вхождений), которая, не входя непосредственно в синонимический ряд UNGLÜCK, пронизывает все эмоциональные концепты романа как универсальный модус телесного переживания. *Schmerz* может быть «wonnevoll» (блаженная боль), может сопровождать любовь, религиозный экстаз, ужас – она выступает как общая основа, на которой разворачиваются эмоциональные инверсии.

Самостоятельным и значимым уровнем вербализации эмоциональных состояний в романе выступает синтаксический. Как отмечают Н.М. Кацитадзе и Н.В. Христианова, экспликация эмоций в художественном тексте может осуществляться целым спектром разноуровневых языковых средств, включая лексические, фразеологические и синтаксические, причем последние играют особую роль в передаче интенсивности, динамики и характера эмоционального переживания [Кацитадзе, Христианова, 2024, с. 96]. Своеобразными маркерами эмоциональных состояний героев нередко становятся также окружающая обстановка, погодные условия, природа, способствующие наиболее реалистичному отражению их душевных переживаний.

Анализ синтаксической организации фрагментов, вербализующих концепты GLÜCK и UNGLÜCK в романе Гофмана, позволяет выделить несколько характерных моделей.

Во-первых, экстатические формы счастья – *Begeisterung, Entzücken, Seligkeit* – последовательно оформляются с развернутым использованием градации, многосоюзия и обособленных причастных оборотов. Такая структура имитирует захлебывающуюся, неконтролируемую речь, передавая состояние потери самоконтроля:

Ich fühlte, wie das Blut in allen Pulsen glühte und sprühte – ich hörte meine Stimme durch das Gewölbe donnern – ich sah mein erhobenes Haupt, meine ausgebreiteten Arme wie von Strahlenglanz der Begeisterung umflossen [Hoffmann, 1815–1816, S. 31].

Трехчастная бессоюзная конструкция с повтором *ich fühlte – ich hörte – ich sah* создает эффект нарастания, а пассивная конструкция *wie von Strahlenglanz umflossen* передает состояние захваченности внешней силой. Синтаксис здесь воспроизводит природу *Begeisterung* как состояния одержимости, при котором субъект утрачивает контроль и становится объектом воздействия.

Сходная модель присутствует в финальной фразе романа: *Schmerz und Wonne, Grauen und Lust – Entsetzen und Entzücken stürmten in meinem Innern, als ich mein Leben schrieb* [Hoffmann, 1815–1816, S. 319].

Парные конструкции с союзом und внутри каждой пары и тире между ними создают эффект сходства и противоположности. Синтаксический параллелизм пар *Schmerz und Wonne, Grauen und Lust, Entsetzen und Entzücken* иллюстрирует неразрывную связь и одновременно борьбу противоположных эмоций в душе героя.

Во-вторых, противоположная модель – короткие, часто неполные или односоставные предложения – маркирует пиковые состояния взрывных негативных эмоций. В сцене отчаяния Медарда в церкви:

Meine Brust – Adern und Fibern zerrissen im wilden Schmerz der grausamsten Folter! – Kein lindernder Tod! – Ich warf mich nieder – ich zerriß in rasender Verzweiflung mein Gewand – ich heulte auf im trostlosen Jammer, daß es weit in der Kirche nachhallte: "Ich bin verflucht, ich bin verflucht!" [Hoffmann, 1815–1816, S. 245].

По сути, подобные оценочные высказывания тесно коррелируют с духовным миром субъекта оценки и отражают его представление об этических нормах как представителе определенной духовной культуры [Васильева, Воронина, 2015, с. 30].

Номинативные восклицания (*Kein lindernder Tod!*), парцелляция, обилие тире, разрывающих текст на фрагменты, передают распад связной речи и сознания. Короткие глагольные предложения с повторяющимся субъектом ich (*warf – zerriß – heulte*) создают эффект судорожных, механических действий.

В следующем примере после разорванного, фрагментированного синтаксиса внезапно возникает одно длинное распространенное предложение, создающее эффект замедленного, детализированного восприятия, вызванного приступом ужаса: *…da erhob*

sich plötzlich ein nackter Mensch bis an die Hüften aus der Tiefe empor und starrte mich gespenstisch an mit des Wahnsinns grinsendem, entsetzlichem Gelächter» [Hoffmann, 1815–1816, S. 190].

В-третьих, особого внимания заслуживает синтаксическое оформление лексемы Glück в значении «удача, везение». Здесь доминирует сложноподчиненная структура с придаточными причинности.

Es lag für mich etwas Entsetzliches darin, daß, indem die gleichgültige Karte, die ich blindlings zog, in mir eine schmerzhafte, herzzerreißende Erinnerung weckte, ich von einer unbekannten Macht ergriffen wurde, die das Glück des Spiels, den losen Geldgewinn mir zuwarf, als entsprösse es aus meinem eignen Innern [Hoffmann, 1815–1816, S. 142].

Многоступенчатая подчиненная конструкция (*daß – indem – die – als*) создает синтаксический аналог запутанности судьбы, о которой говорит герой. Придаточное сравнение с Konjunktiv II *als entsprösse es* вводит мотив иллюзорности, мнимости происходящего: удача лишь кажется собственной, но на деле исходит от дьявола.

В-четвертых, следуя наблюдению о том, что маркерами эмоций героев становятся окружающая обстановка и природа, отметим специфическое преломление этого принципа в готическом романе Гофмана. Природа здесь выступает не столько зеркалом душевных переживаний персонажа, сколько их источником, провоцирующим героя.

Показателен эпизод в лесу, где Медард, освободившись от монашеской одежды, переживает состояние, близкое к счастью-освобождению:

Die Kutte hatte ich in einen hohlen Baum verborgen und mit ihr all die feindseligen Erscheinungen auf dem Schlosse in dem finstern Wald gebannt; denn ich fühlte mich froh und mutig, und es war mir, als habe nur meine überreizte Phantasie mir Viktorins blutige, gräßliche Gestalt gezeigt [Hoffmann, 1815–1816, S. 85].

Конструкция с Konjunktiv II (*als habe*) указывает на иллюзорность чувства освобождения: герой «прячет» прошлое в лесу, но лес в готической традиции – место обитания демонических сил, и это избавление мнимое. Природа здесь – соучастник происходящего с Медардом.

Еще более явно эта функция природы проявляется в описании пробуждения после болезни: *Die Vögel erwachten und flatterten, singend und jubilierend und sich in froher Lust liebkosend, durch den Wald!* [Hoffmann, 1815–1816, S. 47].

Мы видим картину ликующей природы, однако эпитет «frohe Lust» вновь намеренно двусмыслен: радость природы и *Lust* как вожделение.

Синтаксический уровень организации текста в романе «Эликсиры сатаны» выступает полноправным средством вербализации эмоциональных концептов GLÜCK и UNGLÜCK. Экстатические состояния оформляются развернуто с градацией и многосоюзием; страдание и ужас – короткими, парцеллированными конструкциями, передающими распад речи и сознания; счастье как событие, удача, судьба – многоступенчатым подчинением, моделирующим запутанность судьбы и влияние темных сил; а природа функционирует не как пассивное зеркало эмоций, а как часть дьявольского плана, вызывающая и поддерживающая эмоции, возникающие в главном герое, постоянно изменяясь.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что оппозиция GLÜCK/UNGLÜCK занимает отдельное место в эмоциональной системе романа «Эликсиры сатаны». Если концепты СТРАХ и ЛЮБОВЬ построены на внутренней дуальности (*Angst/Grauen, Liebe/Lust*), то СЧАСТЬЕ и НЕСЧАСТЬЕ выступают как два целостных, диалектически связанных концепта: *Unglück* оказывается не антонимом *Glück*, а его зеркальным проявлением, «двойником».

Трехчастная семантическая структура базовой лексемы Glück (счастье-событие, персонифицированное счастье, счастье-состояние) делает ее идеальным инструментом для реализации темы сделки с дьяволом. Счастье, понимаемое как удача, всегда приходит к

герою извне, от «неведомой силы», и это предопределяет двусмысленность: дар неизбежно оборачивается проклятием. На языковом уровне эта логика реализуется через семантическую инверсию: религиозный экстаз описывается в терминах плотского возбуждения, смех превращается в знак ужаса, восторг соседствует со страхом, а искреннее счастье грешника характеризуется как «суетное». Лексема unglücklich, употребляемая преимущественно как прилагательное, маркирует не временное состояние, а экзистенциальную отмеченность персонажа, его включенность в цепь родового проклятия. Существенный вклад в вербализацию оппозиции вносит и синтаксический уровень.

Таким образом, оппозиция GLÜCK/UNGLÜCK наряду с оппозициями ANGST/GRAUEN и LIEBE/LUST является фундаментальным лингвопоэтическим элементом романа, углубляющим центральную тему – представление вечного противостояния Добра и Зла как противостояния положительных и отрицательных эмоций человека.

Список литературы

Васильева Н.В., Воронина Л.В. 2015. Оценочный потенциал производных имен с усилительным компонентом. *Вестник Челябинского государственного университета,* 20(375): *Филология. Искусствоведение*, 97: 29–35.

Воронина Л.В. 2025. Роль социокультурного контекста в процессах восприятия мотивированных слов немецкого языка. *Когнитивные исследования языка*, 1-1(62): 179–183.

Воронина Л.В. 2022. Субстантивное словообразование современного немецкого языка: когнитивно-дискурсивное представление деривационных и композиционных процессов. Дис. … докт. филол. наук. Белгород, 369 с.

Делль О.А. 2025. Механизмы эмоционального заражения и триггерного воздействия в медиа-дискурсе бренда «Вкусно – и точка» (ВКонтакте). *Глобальный научный потенциал*, 12-1(177): 349–352.

Ионова С.В. 2023. Эмоциональная доминанта текста: некоторые лингвистические аспекты исследования. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 22(1): 13–27. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.1.2

Кацитадзе И.М., Христианова Н.В. 2024. Особенности языковой репрезентации эмоционального состояния страха в рассказе W. Schnurre “Auf der Flucht”. *Балтийский гуманитарный журнал*, 13(1(46)): 95–98.

Лучинская Е.Н., Уафа Л.Э. 2022. Семиотико-функциональные характеристики эмотивной лексики в политическом дискурсе. *Гуманитарные исследования*, 3(83): 44–48.

Маджаева С.И. 2022. Эмотивный потенциал медицинского термина в современных дискурсах. *Гуманитарные исследования*, 2(82): 94–99.

Трубкина А.И. 2022. Эмотивный код художественного текста: лингвопрагматический аспект. *Гуманитарные и социальные науки,* 94(5): 104–110. DOI: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-104-110

Трубкина А.И. 2026. Культурогенность эмотивного кода в рассказе А.П. Чехова «Студент»: дискурсивные стратегии. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология,* 32(1): 202–208. DOI: 0.18287/2542-0445-2026-32-1-202-208

Шаховский В.И. 1987. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, Издательство Воронежского университета, 190 с.

Шаховский В.И. 2017. Триада экологий – человек, язык, эмоции – в современной коммуникативной практике. Волгоград, Изд-во ВГСПУ «Перемена». 358 с.

Hoffmann E.T.A. 1815/16. Die Elixiere des Teufels. 324 s.

References

Voronina LV., Vasilyeva N.V. 2015. Estimation Potential Of Derivative Names With An Amplifying Component. *Bulletin of Chelyabinsk State University*., 20(375). *Philology. Arts*, 97: 29–35 (in Russian).

Voronina L.V. 2025. Rol' sotsiokul'turnogo konteksta v protsessakh vospriyatiya motivirovannykh slov nemetskogo yazyka [The role of the sociocultural context in the perception of motivated words in the German language]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 1-1(62): 179–183.

Voronina LV. 2022. Substantivnoe slovoobrazovanie sovremennogo nemetskogo yazyka: kognitivno-diskursivnoe predstavlenie derivatsionnykh i kompozitsionnykh protsessov [Substantive Word-Formation in Modern German: A Cognitive-Discursive Representation of Derivational and Compositional Processes]. Dis. ... doct. Philol. Sciences. Belgorod, 369 p.

Dell' O. A. 2025. Mekhanizmy emotsional'nogo zarazheniya i triggerovogo vozdeystviya v media-diskurse brenda «Vkusno – i tochka» (VKontakte) [Mechanisms of emotional contagion and trigger influence in the media discourse of the brand "Vkusno – i tochka" (VKontakte)]. *Global'nyy nauchnyy potentsial*, 12-1(177): 349–352.

Ionova S.V. 2023. Emotional Dominant of the Text: Some Linguistic Aspects of Research. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 22(1): 13–27 (in Russian). DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.1.2

Katsitadze I.M., Khristianova N.V. 2024. Features of Language Representation of the Emotional State of Fear in W. Schnurre's Story "Auf Der Flucht". *Baltic Humanitarian Journal*, 13(1(46)): 95–98 (in Russian).

Luchinskaya E.N., Uafa L.E. 2022. Semiotiko-funktsional'nye kharakteristiki emotivnoy leksiki v politicheskom diskurse [Semiotic and functional characteristics of emotive lexis in political discourse]. *Gumanitarnye issledovaniya*, 3(83): 44–48.

Madzhaeva S.I. 2022. Emotivnyy potentsial meditsinskogo termina v sovremennykh diskursakh [The emotive potential of a medical term in modern discourses]. *Gumanitarnye issledovaniya*, 2(82): 94–99.

Trubkina A.I. 2022. Emotional code of literary text: linguistic and pragmatic aspect. *The Humanities and Social Sciences*, 94(5)104-110 (in Russian). DOI: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-104-110

Trubkina A.I. 2026. Cultural relevance of the emotive code in A.P. Chekhov's story «The Student»: discursive strategies. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 32(1): 202–208 (in Russian). DOI: 10.18287/2542-0445-2026-32-1-202-208

Shakhovskii V.I. 1987. Kategorizatsiya ehmotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka [Categorization of Emotions in the Lexico-Semantic System of Language]. Voronezh, Publ. Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 190 p.

Shakhovskiy V.I. 2017. Triada ekologiy – chelovek, yazyk, emotsii – v sovremennoy kommunikativnoy praktike: monografiya [The triad of ecologies – human, language, emotions – in modern communicative practice: a monograph]. Volgograd, Izd-vo VGSPU «Peremena». 358 p. (In Russ.).

Hoffmann E.T.A. 1815/16. Die Elixiere des Teufels [The Devil's Elixirs]. 324 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.09.2026
Поступила после рецензирования 15.08.2026
Принята к публикации 10.09.2026

Received September 10, 2026
Revised August 15, 2026
Accepted September 10, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронина Лариса Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого и французского языков, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Прилуцкий Игнат Геннадьевич, ассистент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Larisa V. Voronina, Doctor of Philology, Professor of the Department of German and French Languages, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Ignat G. Prilutsky, Assistant of the Department of Romano-Germanic Philology and Intercultural Communication, Postgraduate Student, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.